

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
83/1 (2023), 202–206
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/1 (2023), 202–206
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910019191-3

J.A. ROSENBLITT. Rome after Sulla. London–New York: Bloomsbury Academic, 2019. xiv, 219 p. ISBN: 978-1-4725-8057-3

Насколько нам известно, монографий, специально посвященных первым годам послесулланского Рима, до недавнего времени не существовало, и выход в свет рассматриваемой работы преподавательницы Оксфордского университета Элисон Розенблит можно только приветствовать. Автор так представляет читателю свой труд: «Эта книга – о непрочности сулланского урегулирования. Поэтому, с одной стороны, это рассказ о 70-х годах и особенно тех, что последовали непосредственно за единовластием Суллы, 79–77 гг.¹ С другой стороны, это книга о характере римской политики в послесулланскую эпоху, в том числе о переменах в римском политическом дискурсе, крахе политики согласия, о ненадежной псевдостабильности, достигнутой ценой несправедливости, и провале попыток власти добиться полной легитимности в глазах управляемых» (с. 1).

В монографии идет речь о политических событиях в самом Городе. Она распадается на три части. Первая посвящена 80–79 гг., т.е. последним годам жизни Суллы (с. 17–41), вторая – 78–77 гг. и предыстории восстания Лепида (с. 45–90), третья – освещению в «Истории» Саллюстия событий 70-х годов и политическому дискурсу 70-х годов (с. 93–139); завершают книгу эпилог (с. 141–144) и два историографических приложения (с. 145–154). Таким образом, анализируются события не только послесулланского, но и сулланского времени, пусть, как мы увидим, лишь в отдельных аспектах.

Розенблит констатирует длительность гражданской войны – хотя Сулла одержал решающую победу еще в конце 82 г., Нола пала только в 80 г., а Волатерры и вовсе в 79 г. Проскрипции нанесли серьезную травму обществу и породили атмосферу гнетущего страха, тогда как Сулла рекламировал идею восстановления нормального положения дел. Римляне же с интересом наблюдали за инцидентами, которые могли трактоваться как вызов новому режиму и помогали понять пределы допустимой оппозиции ему – столкновением Суллы и Помпея из-за триумфа последнего и отказом Лентула Суры дать отчет по окончании квестуры (с. 17–20). Следует, однако, заметить, что в источниках нет данных, позволяющих оценить, какой резонанс имели эти эпизоды. Кроме того, история о конфликте между Суллой и Помпеем, хотя и не подвергаемая никем сомнению, мало похожа на правду – трудно поверить, что последний настолько утратил чувство реальности, чтобы шантажировать диктатора; немаловажно также, что столь важный в случае своей аутентичности эпизод не упоминается ни в одном источнике, кроме Плутарха, жившего спустя два века после описываемых событий.

Ситуация осложнялась неопределенностью характера и продолжительности власти Суллы, а также восприятием его как человека непредсказуемого. Эта черта была частью античного образа тирана. Так, Афелла неверно понял смысл возвращения к нормальному положению, среди прочего к соревновательным выборам. В 78 г., когда Сулла умирал, Граний из Дикеархии недооценил решимость Суллы и был в итоге задушен за неуплату долга. Неясность того, что ждет римлян в нынешних условиях, обыгрывает Цицерон в речи «За Росция Америкского» (7; 123) – намеренно недоговаривая, он предоставляет аудитории самой решать, какие опасности грозят обществу при новом положении дел. При этом автором проводится интересное сравнение с речью «За Марцелла», где в адрес Цезаря звучат шедрые похвалы, но столь же двусмысленные, как в отношении Суллы в ‘pro Roscio Amerino’; однако если в последней Цицерон предоставляет слушателям самим додумывать, что таится за его словами, то в речи в защиту Марцелла он подробно разъясняет свои мысли, боясь быть

---

¹ Здесь и далее все даты – до н.э.

неверно понятым. В 79 г. Сулла сложил с себя власть, и неопределенность начала приобретает иные формы — теперь возникал вопрос, насколько прочен созданный им порядок (с. 20–29).

Скорее всего, в центре внимания общества находилась судьба изгнанных сулланским режимом и возможность обвинений за действия, предпринятые во время гражданской войны и проскрипций. Это говорит о характере сулланского «урегулирования»: его творец хотел добиться стабильности, устранив или лишив всякого влияния политических оппонентов. Как показывают процессы по делам Росция и женщины из Арреция, судьба тех, кого Сулла лишил прав, открыто обсуждалась, что подразумевало возможность изменений. Правда, большинство ученых полагает, что в условиях доминирования сулланской идеологии не могло идти и речи о переменах. Но, как считает Розенблит, в 79 г. перспектива возвращения изгнанников и дальнейшие попытки мести с их стороны могли казаться более реальной угрозой, чем чуть раньше или позже.

Показателен, по мнению автора, и случай с провалом обвинения в адрес Лепида, который вызывал опасения у консерваторов. Из Псевдо-Аскония (259 St.), как полагает Розенблит вслед за другими учеными, следует, что обвинение в адрес Лепида не привело к суду над ним из-за благосклонности народа к нему ([Metelli] qui cum legibus interrogassent, victi apud populum gratia destiterunt). Она развивает эту идею: возможно, уже тогда шло восстановление базилики Эмилия, и рабочие вполне могли личным присутствием влиять на обстановку на Форуме (с. 34, 65, 72). Думается, однако, что здесь слишком много допущений; к тому же если Лепид действительно опирался на «чернь», то рисковал непоправимо подорвать свою репутацию в глазах *boni* — достаточно вспомнить упреки Метелла (Македонского?) в адрес Тиберия Гракха, которому, по его словам, «по ночам освещают дорогу самые дерзкие и нищие из простолюдинов» (Plut. Tib. Gr. 14.4. Пер. С.П. Маркиша)². В нашем же случае речь шла, если соглашаться с Розенблит, фактически о вооруженном давлении низов на органы власти, и предугадать реакцию верхушки сената (в том числе и самому Лепиду) было бы несложно. Весьма спорен и тезис о предвыборной кампании Лепида, будто бы представлявшей угрозу для сулланцев, поскольку он наверняка предлагал вернуть изгнанников (с. 35)³. Стоит учитывать, что и это не более чем шаткая гипотеза; нелишне напомнить, что предвыборные кампании в Риме не предполагали каких-либо программ и конкретных обещаний избирателям⁴. Зато вполне убедительно предположение, что Помпей не обеспечил избрания Лепида (Plut. Pomp. 15. 1–2), а поддержал его как сильнейшего из кандидатов — так же он поступит и в 71 г. в отношении Красса (с. 35–36). Вполне справедливо и замечание об уязвимости позиций Помпея в 79 г., что и стало одной из причин его сотрудничества с Лепидом, который мог в будущем оказать ему необходимую поддержку (с. 36, 44).

Важную роль стал играть в умах политиков, по мнению Розенблит, контроль над собственно Римом, о чем свидетельствует упорная борьба за городскую префектуру, словно речь шла, как пишет Саллюстий, о власти над *res publica* (Sall. Hist. I. 54; с. 39–40). Однако, заметим, не вполне понятно, какими возможностями в те времена обладал префект для контроля над *Urbs*, чтобы его должность казалась столь значительной; не даром, как признаёт автор, большинство комментаторов видят в словах Саллюстия иронию (с. 164, прим. 54).

Переходя к мятежу Лепида, автор отмечает, что словосочетание *tumultus Lepidi* основывается на тексте Саллюстия, хотя именно в таком виде оно в нем отсутствует. Весьма спорно именование Лепида мятежником — сам он мог не считать сулланский порядок законным. «Мы проявляем чрезмерную готовность видеть в сулланской системе, созданной победителем в гражданской войне, захватившим Город и устроившим террор, легитимное выражение государственной власти» (с. 59). В случае успеха Лепид воспринимался бы точно так же. Суждение вполне верное, однако стоило бы обсудить достаточно убедительную версию П. Бёртона, согласно которой Лепида, в сущности, «назначили» мятежником по инициативе Л. Марция Филиппа, расценив как бунт его желание

² К тому же упоминание Псевдо-Асконием (259 St.) *apud populum gratia* Лепида еще не означает присутствия *populus* у преторского трибунала при попытке Метеллов предъявить иск. Но даже если так, то *apud populum gratia*, которую с давних времен понимают как благосклонность народа (Klebs 1893, 554), может означать не народ как таковой, а лишь политический класс.

³ Розенблит указывает на личную заинтересованность Лепида в восстановлении прав проскриптов и их детей, поскольку приемный сын проскрибированного Л. Сципиона Азиатского, судя по всему, был родным сыном Лепида (с. 33). Однако вряд ли ради него (к тому же принадлежавшего теперь к другой фамилии) последний стал бы рисковать своей политической будущностью, предлагая такие конфликтные меры.

⁴ См. Mouritsen 2017, 43–44, 93 (эта книга в монографии практически не используется).

позволить ему вторично выдвинуть свою кандидатуру в консулы⁵. Сама Розенблит признаёт, что Лепид во время своего консулата действовал вполне легальными средствами, проведя хлебный закон и выступив против восстановления прав трибунов — по мнению автора, в последних Лепид видел конкурентов в борьбе за благосклонность народа (с. 67). Правда, использование Лепидом легальных методов не означает, что он был «умеренным», поскольку исправить несправедливости сулланского порядка «умеренными» средствами (прежде всего вернуть изгнанников) было невозможно, и Лепид это наверняка понимал (с. 79). При этом под изгнанниками Розенблит понимает не столько самих проскриптов, которых выжило немного, сколько их детей и внуков, живших, вероятно, за пределами Города. Однако ее аргументация весьма уязвима. Она, в частности, ссылается на серторианский сенат как пример существования множества изгнанников. Но этот орган возник, скорее всего, после восстания Лепида, когда Перперна после его подавления присоединился к Серторию⁶. Дети и внуки проскриптов также к числу изгнанников не относились⁷. Если же речь шла о восстановлении их в правах, то о соответствующем предложении Лепида, сделанном еще в 78 г., пишет *expressis verbis* только Граний Лициниан (34F)⁸. Однако он сообщает, будто Лепид обещал также вернуть отданную ветеранам Суллы землю бывшим владельцам и вообще отменить сулланские порядки. Это немедленно привело бы к громкому скандалу, а не к назначению Лепида во главе армии для подавления восстания в Этрурии. Судя по всему, сработала нехитрая логика: если Лепид в 77 г. стал мятежником, то он готовился к этому с самого начала. Видимо, указанные обещания прозвучали явно уже после начала восстания (в отношении прав трибунов так считает и сама Розенблит, см. ниже)⁹.

В то же время вполне убедительны суждения Розенблит относительно *lex Aemilia frumentaria*. Она резонно возражает против точки зрения, согласно которой Сулла не отменял хлебные дотации, поскольку в 73 г., когда они были восстановлены, речь шла всего лишь о пяти модиях, фигурировавших и в законе Гая Гракха, т.е. о минимальной норме. О ней же говорилось и в законе Лепида, но он, судя по всему, был отменен после разгрома лепиданского движения. Розенблит подчеркивает, что неспособность сената решить хлебный вопрос до 73 г. — один из крупнейших провалов сената в деле руководства государством; по ее мнению, хлебный закон был не менее важен в понимании того, что такое государство и зачем оно нужно, чем вопрос о судах или правах трибунов, тем более что его связь с последними налицо (с. 63–65, 86–87).

Переходя к анализу труда Саллюстия как источника по событиям 70-х годов, Розенблит начинает его с речи Лепида. Она свидетельствует о раздоре, возникшем еще до ухода Суллы от власти и вызванном недовольством его порядками, и представляет собой ответ тем, кто считал, будто правление диктатора принесло отдохновение от смуты. Саллюстиев Лепид доказывает, что сулланская идея стабильности основывается на увековечивании несправедливости. Он тоже выводит связь между претензиями на *concordia* и *felicitas*, но только чтобы подвергнуть ее обличению. *Felicitas* Суллы — миф, коим он прикрывает свои злодеяния или обосновывает претензии на восстановление *concordia* в государстве. Другое дело, что к самому Лепиду Саллюстий относится отрицательно, и любой внимательный читатель понимает пристрастность изображения власти Суллы в его речи. Но ее обличительная сила в отношении *concordia* и *felicitas* диктатора сохраняется (с. 93–99). Думается, что перед нами один из парадоксов писателя. Как известно, Катилина обвиняет правящую верхушку Рима примерно в тех же выражениях, что и сам Саллюстий¹⁰, и это, естественно, не значит, что последний согласен со своим героем — одни и те же слова в устах разных людей могут обрести неодинаковый смысл, ибо Катилина стремился не исправить положение дел в Риме, а захватить власть, что привело к новой, хотя и небольшой гражданской войне. То же, вероятно, имелось в виду и в случае с Лепидом, параллель которого с Катилиной в глазах Саллюстия отмечает вслед за другими учеными и сама Розенблит (с. 50–53).

Затем автор останавливается на фрагменте I. 12M. По мнению Розенблит, речь в нем идет о гражданской войне не 80-х, а 40-х годов. Если Р. Сайм прав, что Саллюстий хотел довести «Историю» до 51 или 50 г., то в таком случае в ней описывался путь к гражданской войне 40-х годов. Ско-

⁵ Burton 2014, 414, 420. Отметим, что статья П. Бёртона Розенблит известна.

⁶ Schulten 1926, 80; Gabba 1958, 298.

⁷ В подтверждение тезиса о выступлении Лепида за возвращение изгнанников Розенблит ссылается на Флора (III. 23. 3–5), однако это весьма сомнительный источник — достаточно сказать, что у него Помпей сражается с Лепидом бок о бок с Катилом у стен Рима (§ 6).

⁸ У Эксуперанция (6.45Z) хронология событий неясна.

⁹ См. Hayne 1972, 665 (хотя и более осторожно).

¹⁰ *Cat.* 13. 1 и 7; 20.8 и 11; *Iug.* 41. 7; Ramsey 2007, 120–121.

рее всего, этот пассаж выходит за пределы хронологии «Истории», предсказывая тяжелое состояние, до которого дойдет римское государство (с. 102–104).

Главной темой последнего сочинения Саллюстия является восхождение Помпея к вершинам власти, в связи с чем встает вопрос о непомерном могуществе одного человека. Анализ личности Помпея в «Истории» — один из мотивов в изучении Саллюстием природы единовластия. Лживость и неискренность — главные черты Помпея в изображении Саллюстия, который старательно представляет Серторианскую войну как чисто внешнюю, изображает в своем письме сенату дело так, будто его чуть ли не силой отправили в Испанию, уверяет, что действовал *neque ex ambitione* (*Hist.* II. 98. 1, 5), хотя именно свою *ambitio* Помпей постоянно демонстрирует, и т.д. Саллюстий видит в его лицемерии не просто частный случай, а пример истории крушения гражданской политики. Митридат в «Истории» (IV. 69. 5–6) утверждает, что римляне желают лишь власти и богатств, коих они добиваются притворством и лживостью. Помпей может оказаться «метонимией» такого восприятия Рима (с. 105–110). Тезис, заметим, весьма спорный, поскольку рассуждения понтийского царя явно не отражают мысли самого писателя — Митридат обличает римскую экспансию III–II вв., т.е. времени, с точки зрения Саллюстия, благополучного¹¹.

Тема неискренности встает и в связи с речью консула 75 г. Гая Котты у Саллюстия, который лицемерно совершает *devotio*, но умирать, разумеется, не собирается. Если Помпей стирает разницу между внешней и гражданской войной, то плебейский трибун Лициний Макр (естественно, в изображении Саллюстия) утверждает, что внешние войны нужны для обеспечения господства олигархии. При этом себя он позиционирует как искреннего политика, но как оценивал его сам Саллюстий, мы не знаем. В его словах, предположительно о Сертории (*Hist.* I. 90: *inter arma civilia aequi bonique famas petit*), чувствуется горькая ирония: человек добивался доброй славы среди ужасов гражданской войны. Саллюстий же в «Истории» искал человека, способного воплотить идеал политического лидера даже в условиях крушения *res publica*. В условиях автократии особое значение приобретают честность и мотивация ведущего политика. И, как показал опыт Суллы, тирания, нестабильность и лживость тесно связаны между собой (с. 110–114).

Переходя к важному вопросу о политическом дискурсе в послесулланскую эпоху, Розенблит отмечает такую особенность, как уподобление внутреннего врага внешнему, называя этот прием *hostile politics*. Так, Лепид у Саллюстия говорит, что народ под властью Суллы — порабощенный пленник, а сам Рим — военная добыча. В итоге о *concordia* не может идти и речи. Саллюстий относит эту *hostile model* и к более раннему времени, вкладывая соответствующие суждения в уста Меммия. При этом и он, и Лепид, и Макр не призывают к насильственным методам, но, как резонно полагает автор, не стоит преувеличивать это обстоятельство, ибо открытые призывы к насилию были просто опасны.

Hostile politics возникла после гракханских времен, а в 80-х годах набрала силу, о чем говорит обывание политических оппонентов *hostes* в 88, 87, 83, 77 г. Свою роль в ее развитии сыграли и речи Суллы. Среди прочего после гражданской войны он требовал от народа послушания, словно от рабов, что нарушало все нормы публичного произнесения речей. Если верить Цицерону (*Verr.* II. 3. 81), о продаже имущества проскриптов он говорил *praedam suam vendere*. Его триумф являл, как и у Помпея, пример смешения гражданской и внешней войн. Позднее Клодий и его люди сожгут построенную при Сулле курию — символический результат сулланской *hostile politics*, основанной на страхе (с. 115–130). Ее рассмотрение у Саллюстия явно повлияло на рассмотрение принципата Тиберия у Тацита, который, по мнению Розенблит, был его самым внимательным читателем. В «Анналах» Тиберий напоминает завоевателя, до неестественности враждебно относящегося к Риму (с. 137–138).

Контраст *hostile politics* являет Цицерон с идеями гражданского единства. Моральное единение, на котором покоилась римская конституция, ставит ее особняком среди других видов смешанного государственного строя. Другое дело, что, когда Цицерон писал это, Рим уже не соответствовал таким идеалам. Саллюстий же писал и вовсе в 30-х годах, зная о последующих событиях, новой гражданской войне и гибели самого Цицерона. Неудивительно, что в его «Истории» подчеркивается дезинтеграция в Риме после Суллы. *Hostile politics* — дискурс терпевшего крушение государства (с. 138–139).

Подводя итоги, Розенблит отмечает, что Саллюстий описывает политический мир, где многие рассматривали римский народ как покоренный своими предводителями. *Hostile relationship* по-

¹¹ См. La Penna 1963, 249–254.

родила кризис легитимности. Победа Суллы не положила конец смуте вплоть до 49 г., как нередко считается — за ней последовали восстания Сертория, Лепида, Спартака, Манлия и Катилины. Рим не прошел перековку, необходимую для стабилизации общества после гражданской войны 80-х годов, вплоть до эпохи Августа, времени также не самого лучшего в истории Рима, учитывая потерю свободы. Так что Саллюстий ясно видел: Сулла положил начало крушению Республики (с. 60–61, 141–144).

Завершается книга двумя приложениями. В первом из них автор излагает доводы против точки зрения П. Бёртона, согласно которой Лепид ни на каком этапе своей деятельности не собирался восстанавливать права трибунов (Розенблит принимает сообщение Саллюстия о том, что Лепид выдвинул соответствующее требование уже в Этрурии); во втором приводятся возражения против тезиса П. Бёртона, считающего, что в речи Лепида нашли отражение реалии конца 70-х годов (с. 145–154).

В заключение можно констатировать следующее. Это первая монография, где так подробно анализируются многие важные аспекты внутриримской политики освещаемого периода. Правда, название не совсем отражает содержание — рассмотрение предмета начинается с 80 г., который никак не относится к периоду после Суллы, а 77 г., заявленный автором как конечная точка исследования, полностью выпал из ее поля зрения. Тем не менее перед нами интересная и содержательная, хотя и весьма спорная книга. Дискуссионность многих суждений Розенблит во многом следствие не только скудости, но и ненадежности источников. Порой, однако, ее причины, как представляется, обусловлены недостаточным вниманием к историческому контексту. Не всегда, как мы видели, учитываются и точки зрения предшественников, да и вообще налицо явное пренебрежение к неанглоязычным работам (не используются даже статьи из энциклопедии Паули–Виссова, не говоря уже о трудах М. Гельцера, К. Майера, Ю. фон Унгерн-Штернберга и др.). Вызывают нарекания и ссылки на источники¹². Таким образом, перед нами интересная попытка анализа событий начала 70-х годов, которая, однако, сильно проигрывает из-за указанных недостатков.

Литература / References

- Burton, P. 2014: The Revolt of Lepidus (Cos. 78 BC) Revisited. *Historia* 63/4, 404–421.
 Gabba, E. (ed.) 1958: *Appiani bellorum civilium liber primus*. Florence.
 Hayne, L. 1972: M. Lepidus (Cos. 78): A Re-Appraisal. *Historia* 21/4, 661–668.
 Klebs, E. 1893: Aemilius (72). In: *RE*. Hlbd. 1, 554–556.
 La Penna, A. 1963: Le «Historiae» di Sallustio e l'interpretazione della crisi repubblicana. *Athenaeum* 41, 201–274.
 Mouritsen, H. 2017: *Politics in the Roman Republic*. Cambridge.
 Ramsey, J.T. 2007: *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford.
 Rawson, E. 1987: Sallust on the Eighties? *Classical Quarterly* 37/1, 163–180.
 Schulten, A. 1926: *Sertorius*. Leipzig.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University
for the Humanities

Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

A.B. Короленьков,

к.и.н.,

доцент Государственного академического
университета гуманитарных наук

Москва, Россия

¹² Так, на с. 72 сообщение об обвинении Катуга Цезарем в растратах подкрепляется ссылкой на Светония (*Div. Iul.* 15), хотя на деле об этом сказано у Кассия Диона (XXXVII. 44. 1); здесь же упоминание о том, как Лепид украсил дом изображениями предков на щитах, сопровождается ссылкой на Ф. Мюнцера (с. 172, прим. 45), а не на Плиния Старшего (*NH* XXXV. 13), к которому эти сведения и восходят; на с. 134 цитируется фраза из Э. Роусон (Rawson 1987, 179), где Асконию приписывается именование Серторианской войны как «полугражданской», хотя у самой Роусон это явный lapsus calami, поскольку ссылку она дает на Авзония (ер. 22), на что следовало бы обратить внимание. На с. 129 сообщается, что во время триумфа Суллы несли картины, на которых изображалось поражение Мария Младшего, чего, однако, в источниках нет.